

петь-читать свои политические монологи-песни, в которых как бы сливались воедино искусство певца-актера и взволнованная, страстная, живая мысль оратора. Одна из песен, с которыми Хариндронат Чаттоподхайдя особенно охотно выступает перед демократическими слушателями, называется «За песню — в тюрьме» и носит автобиографический характер. За свои смелые, вольнолюбивые песни Чаттоподхайдя просидел несколько лет в тюрьме, и это окружило его ореолом борца за счастье народа.

Вообще устное поэтическое слово и слово, положенное на музыку, — необычайно популярны в Индии, и даже лекции на религиозные темы здесь не читаются, а поются. Одного такого лектора нам пришлось слушать в каком-то храме, где он выпевал свои изречения под беспкойный аккомпанемент барабана...

Сами индийцы непосредственно связывают свое танцевальное искусство с историей и развитием всей духовной культуры своего народа. Любопытно при этом, что между танцем и замечательной древнеиндийской скульптурой устанавливаются прямая зависимость и взаимовлияние. Рассказывая об одном из самых распространенных в Индии классических танцев, так называемом «Бхарат-Натиам», один из теоретиков индийского танцевального искусства пишет, что «бронзовая скульптура древней Индии может помочь тому, кто хочет достигнуть совершенства в положениях тела в «Бхарат-Натиам», и присоединяет к этому весьма характерное замечание: «Бхарат-Натиам» — мужественный танец, напоминающий русский балет, — его красота в его силе».

Другой индийский танец — «Катхакали» — по существу своему представляет собой танец-драму, танец-поэму, отражающую самые изысканные черты феодальной культуры XVI столетия. Недаром первым композитором, создавшим музыку для этого танца, был раджа княжества Каттараккара, ученый-историк, много работавший над возрождением древнего искусства индийцев. В танце этом инсценированы отдельные эпизоды индийской эпической поэмы «Махабхараты», одна из частей которой известна у нас в замечательном переводе В. А. Жуковского под названием «Наль и Дамаянти».

Танец идет в сопровождении барабанов, тарелок, небольшой фисгармонии с ручным мехом и двух певцов. Певцы поют текст, который непосредственно иллюстрируется танцем. Танец, исполняемый без перерывов, продолжается три часа, и можно только удивляться выносливости артистов, особенно певцов, исполняющих сложнейшие фиоритуры в полную силу и передающих своими голосами все эмоции танцующих актеров.

Поскольку эмоциональное воздействие поручено певцам, танцующие актеры делают лишь чисто механические движения бровями, глазами, руками, головой и телом. Движения эти крайне замедленны и то и дело повторяются в танце. Условности, которые нам приходилось наблюдать на драматической сцене, допускаются и здесь. Если одному из актеров предстоит произнести длинный монолог, другому выносят стул, он садится и готовится слушать. Во время танца по сцене беспрепятственно движутся служки — они поправляют фитили в светильнике, вносят и уносят стулья, подбирают упавшие предметы и т. д. За маленьким занавесом видно, как каждый, вновь появляющийся исполнитель, прежде чем выйти на сцену, произносит над инструментами свои не то заклинания, не то молитвы.

В первой, несколько ритмически однообразной, части танца изображается беседа принца с лебедем. С появлением злого духа дейст-

вие танца оживляется. Злой дух — единственный персонаж, которому разрешается в процессе танца подавать свой собственный голос, и этой своей привилегией он пользуется в полной мере. Еще до его появления на сцене, зрители слышат страшное рычание, вой, нетерпеливый и яростный топот ногами. После этого занавес начинает трястись — это злой дух пытается вырвать его из рук слуг, и наконец занавес падает — и злой дух предстает перед зрителями. Всеми силами хочет он потушить светильник, но огонь оказывается сильнее и обжигает его. После этого, злой дух дает понять, что он очень голоден — хлопает себя по животу, стонет и снова яростно рычит, демонстрируя, что готов проглотить все, что попадется ему на зуб.

Появляется принц, показывающий злому духу, что он ест что-то вкусное, и злой дух окончательно теряет самообладание — дрожит, корчится, изгибается и в конце концов доведенный до отчаяния бросается на принца. Под тревожные, прерывистые удары барабана начинается бой, и каждый из ударов точно соответствует движениям танцующих актеров. Сцена боя танцется так выразительно, что надобность в пояснениях совершенно отпадает, поэтому певцы в этой сцене не участвуют. С невозмутимым, ничего не выражающим лицом принц наносит злому духу поражение за поражением, и вот уже кажется, что он повергнут окончательно. Однако после короткой паузы сражение возобновляется с новой силой. Злой дух поднимается, снова трещат барабаны, снова раздается зловещее рычание, но неустрашимый принц доводит бой до окончательной победы.

Другой классический танец «Манипури», высоко ценившийся Рабиндранатом Тагором, исполняется, в противоположность «Катхакали», только женщинами. Название свое этот танец получил от Манипура, округа северо-восточной части провинции Ассам, на границе с Бенгалией. Костюмы танцовщиц в «Манипури» в высшей степени красочны и яркие, ноги и ладони окрашены пунцовой краской. Самый танец состоит из спокойных, неторопливых и плавных движений, разговаривают более всего руки, пальцы, голова, туловище, и каждый, самый легкий поворот, каждое чуть уловимое движение — это целая фраза, заключающая в себе свой собственный, самостоятельный смысл. Чтобы отчетливо понимать язык подобного танца, надо очень хорошо его знать, так, как знают его индийские зрители. Надо сказать при этом, что танцовщицы, исполняющие «Манипури», исключительно пластичны — музыка танца как бы стала основой их существования, их дыханием и жизнью. У меня лично возникало во время танца такое чувство, что ошибиться в движениях и выйти из ритма они не могут, как не может живой, здоровый человек спутать прямую линию с окружностью или принять равнину за горный хребет.

В Мадрасе пришлось нам побывать на вечере танцев в так называемом Художественном театре, созданном и руководимом его главной танцовщицей. Театр начал свою жизнь в простом сарае, впоследствии к сараю пристроили большую эстраду, а еще позже сделали навес над публикой. Исполнялись здесь по преимуществу танцы религиозного характера, но в некоторых из них уже стали проступать «светские» элементы и зазвучали реалистические мотивы. Один из танцев, например, изображает вполне современную игру в мяч, исполняется он весело, с задором и пользуется большим успехом у зрителей.

Во время одной из пауз между танцами главная танцовщица, руководительница театра, подошла к микрофону и сообщила, что хочет создать танцевальный театр и что она благодарит таких-то и таких-то (перечисляются фамилии) жертвователей и просит пожертвовать еще.